

К Н И Г И

РЭЯ НЭЙЛЕРА

в издательстве FANZON

ГОРА В МОРЕ

ЭРА БИВНЯ

R A Y   N A Y L E R

THE TUSKS
OF EXTINCTION

and Collection
of Short Stories

Р Э Й Н Э Й Л Е Р

Э Р А
Б И В Н Я

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н95

Ray Nayler
THE TUSKS OF EXTINCTION
and collection of short stories
Copyright © 2023 by Ray Nayler

Перевод с английского *Екатерины Романовой*
Оформление *Елены Куликовой*
Составитель *А. Валдайский*

Нэйлер, Рэй.

Н95   Эра Бивня / Рэй Нэйлер ; [перевод с английского Е. Романовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-223018-9

Дамира была убита, защищая слонов, но теперь ее сознание оцифровано и загружено в мозг возрожденного мамонта. Она становится последней надеждой для стада. Но браконьеры близко, а сама история человеческой жестокости готова обречь животных на новую гибель.

В настоящий сборник вошли повесть «Эра Бивня» и рассказы о роботах, ИИ, людях и зверях — произведения, где технологии, сознание и мораль сталкиваются, каждое решение меняет мир, а история становится альтернативной.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-223018-9

© Е. Романова, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Содержание

ЭРА БИВНЯ	7
От автора	111
СТАМБУЛЬСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ	115
Зимний таймшер	117
Плач по Хазан	137
Океан среди листьев	165
Возвращение в Красный Замок	188
Тень его крыл	212
Починщик воробьев	230
ПЕТАЛИ ПАМЯТИ	257
Мертвые петли	259
Ракета для Димитриоса	285
РАССКАЗЫ	341
Изменчивость	343
Глазами леса	361
Отец	381
Смерть Пожарной Станции № 10	402
Саркофаг	420
Вчерашний волк	443
Муаллим	461
Пустошь	478
Летний замок	497

ЭРА БИВНЯ

Посвящаю Ане и Лидии

Все персонажи, организации и события,
упомянутые в данной книге, являются плодом воображения
автора либо использованы в художественных целях.

1

Дамира спустилась по кровавому следу к подножию холма. Из топкой земли сочилась влага, прозрачные ручейки сверкали в траве, отражая солнце. Ноги проваливались в верхний слой почвы лишь на несколько сантиметров: дальше их не пускала губчатая паутина плотно переплетенных корней.

Крови почти не было, но ее запах стоял в воздухе, и Дамира шла по этому следу. Прикасаясь хоботом к органу Якобсона на нёбе, она вновь и вновь воскрешала в памяти образ мамонта, которого называла Койон, — застенчивого увальня с разодранным правым ухом и понурой лохматой головой.

Глаза у Койона были янтарные, а не темного землисто-коричневого оттенка, как у остальных. Красивые, нежные глаза в обрамлении длинных ресниц. Дамира помнила, как два года назад Койона изгнали из стада. Несколько недель он ходил за ними на расстоянии, призывно трубил, стоило кому-нибудь обернуться, и вертел хоботом, жадно вбирая запахи матери и родных. Мать не видела, как он наконец сдался и ушел. Она вообще старалась на него не смотреть: это лишь продлевало муки расставания. Повзрослевшие самцы обязательно покидают материнское стадо. Одни уходят сами, а других матриархам приходится изгонять, выталкивать силой в одинокую взрослую жизнь.

На следующее лето Дамира увидела его с Йекенатом, старшим и самым крупным самцом. Йекенат был высокий и широ-

когрудый, с рыжеватой шкурой и громадными бивнями. Койон держался от наставника на почтительном расстоянии и наблюдал, как тот хоботом сдирает с земли траву и кладет себе в рот. Когда мимо проходили мать или сестры, Койон вскидывал хобот и ловил на ветру их запахи.

Но близко не подходил. Подобно остальным молодым мамонтам, со временем он усвоил законы этого мира.

Дамира услышала жужжание мух. Звук был тише, чем тогда, на берегах Васо-Ньио...

Дамира услышала жужжание и учуяла дух смерти. У подножия холма она помедлила, перекинув винтовку с одного плеча на другое. Вагамунда остановился как вкопанный. Они давно заметили в небе стервятников. Они знали, что ждет их за красным холмом. Никому не хотелось на это смотреть. Но звук оказался едва ли не хуже самого зрелища: оглушительный гул смерти. Звук разложения. В нос ударила трупная вонь. Вагамунду чуть не вырвало. Он без всякого стеснения сплюнул на красную землю.

Дамира не позволила себе даже поперхнуться. Иначе ее сразу вывернуло бы наизнанку.

Она поспешила вперед, на вершину холма.

Их было восемь. Шесть взрослых самок. Один самец-подросток, которого вот-вот изгнали бы из стада. И детеныш нескольких дней от роду.

Мухи роились над изувеченными мордами матриарха и подростка. Отрубленные хоботы и стопы, вывороченные бивни.

Муса уже был там. Стоял рядом с крестьянином, нашедшим трупы. Оба курили, чтобы перебить запах и хоть чем-то заняться в ожидании остальных, а не просто глядеть на побоище.

— Их расстреляли с воздуха, — сказал Муса. — Возможно, с военного дрона-пулемета, незаметного для радаров, с глушителем. Браконьеры подтянулись позже, на вездеходах, и забрали бивни. Операция дорогостоящая и хорошо спланированная. Кстати, они и нам привет передали: в кустах недалеко от подростка была растяжка. Не удивлюсь, если рядом найдется еще

пара таких сюрпризов. Я проверил, как мог, но вы все равно поаккуратней тут...

Дамира стояла на краю зоны поражения и осматривала последнюю жертву.

Детеныша — крошечную розовую девочку — браконьеры не тронули, отчего казалось, что она просто спит. Розовые уши просвечивали на солнце. Она побоялась отойти от гудящих, засиженных мухами тел матери и родных и, едва появившись на свет, легла рядом с ними умирать.

Отдельные жертвы браконьеров терялись в страшной статистике: браконьеры забивали слонов тысячами, так что в конце концов их почти не осталось в дикой природе. Однако каждая такая трагедия служила напоминанием, что убийство слона — преступление громадное, как и сам слон. Колоссальный акт человеческого жестокости.

Однако, вспоминая годы яростной борьбы с браконьерами на берегах Васо-Ньи́ро, Дамира думала вовсе не о статистике. Не об изувеченных трупах взрослых слонов и молодняка. В памяти стоял образ розовой новорожденной малышки, что легла умирать рядом с матерью.

Мертвый слоненок стал олицетворением ее проигранной войны с браконьерами и системой, которая им помогала. Всякий раз, когда Дами́ре приходилось напомнить себе, зачем она это делает, перед глазами возникал образ слоненка.

Нет, она не сдалась. Никто из них не сдался. Ни она, ни остальные рейнджеры, объявившие войну браконьерам.

Муса поднял глаза к небу, которое тем знойным утром уже стало бело-голубым.

— Наше время придет, и засиженные мухами трупы этих негодяев будут лежать на берегах Васо-Ньи́ро.

— Да, — кивнул Вагамунда. — Наше время придет.

— Наше время придет, — подхватила Дамира, однако ее слабый голос потонул в жужжании мушиного роя.

Меньше чем через год Мусу и еще троих рейнджеров, ночевавших в базовом лагере, застрелил снайпер.

Два года спустя Вагамунда погиб за рулем своего «Рейндж-ровера»: подорвался на одной из кустарных мин, раскиданных браконьерами по грунтовым дорогам национального парка.

Еще год спустя убили Дамиру.

Кровавый след петлял вокруг подножия кургана и уходил в неглубокую низину, куда стекали ручейки талой ледниковой воды. Йекенат и Койон лежали рядом, их разделяло не больше пятнадцати метров. Мухи сперва испуганно взвились в воздух, а потом вновь сели на разбитые головы мамонтов. Браконьеры забрали только бивни. Делали они это в спешке и для быстроты вскрыли черепа топорами, чтобы не оставить внутри ни крошки ценной кости. Койону размозжили морду, а Йекенату — всю голову, поскольку его бивни утолщались к основанию: он был одним из первых возрожденных мамонтов и успел войти в средний возраст.

На мягкой земле, там, где трава росла реже, остались следы — не длинные борозды от автомобильных шин, а странные круглые отпечатки, будто от копыт. И, конечно, степь была усыпана гильзами. Все случилось недавно, и суток не прошло. Трупы едва начали разлагаться.

Когда Дамира вернулась к своим, мамонты принялись обнюхивать ее, водя хоботами над шкурой, пропитанной запахом смерти, и прижимая этот запах к нёбу. Детеныши льнули к матерям, утыкались в их теплые бока и хватались хоботами за шерсть.

Кара, мать Койона, закачалась из стороны в сторону с закрытыми глазами. Остальные стали утешать ее, глядя по бокам и утробно рокоча.

Дамире не было грустно. Ничуть. Для горя просто не осталось места. Она могла думать только о Мусе, который глядел в небо и говорил: «Наше время придет, и засиженные мухами трупы этих негодяев будут лежать на берегах Васо-Ньиро!»

Яростный рев Дамиры вывел остальных мамонтов из скорбного оцепенения. Вскоре все они заразились ее гневом и принялись расхаживать по поляне, хлопая ушами и с трубным ревом бросаясь на воображаемых врагов, словно те были рядом.

2

— Однажды, когда моя мать-ненька была маленькой, ее семья перегоняла свое оленье стадо с одного пастбища на другое. Когда они переходили вброд реку, мой дед увидел в грязи на берегу нечто странное: огромный волосатый ком с торчащими из него длинными рогами. Дед подошел ближе, осмотрел ком и строго-настрого запретил остальным к нему приближаться. Однако, проходя мимо, все они сбавляли шаг и внимательно рассматривали загадочный предмет. Мать рассказывала, что с одной стороны волосатого черепа она увидела зубы, обнаженные в жуткой усмешке, а рога выходили не из верхней части головы, а прямо из морды. То был мамонт, тушу которого обнажили полые воды оттаявшей по весне и вышедшей из берегов реки. Тем вечером, когда они встали на ночевку, моя бабушка спросила деда, почему тот запретил им трогать странный предмет и даже приближаться к нему. Дед ответил, что это наверняка был слуга Нга, владыки Нижнего мира. Сквозь дыру в земле он хотел пробраться в наш — Средний — мир и ненароком застрял. Если прикоснуться к нему или даже подойти близко, накличешь беду: на всю семью ляжет проклятие. Многие из тех, кто потревожил тварей из подмирного льда, сходили с ума, буянили и гибли от страшных хворей. Целые деревни вымирали.

— А она рассказывала, большие у него были бивни? — осведомился Дмитрий. — Потом небось кто-то целое состояние на

этом «чудище» заработал. А если и буянил, то в элитной московской бане с блондинкой под мышкой.

Механик по имени Мюсена, рассказавший эту историю, лишь покачал головой и вернулся к своей миске с рыбой и рисом.

Дмитрий пихнул в бок Святослава.

— Мы в прошлом году вон сколько чудищ из Нижнего мира потрогали — и ничего, живы! Верно, сын?

Святослав вспомнил прошлогоднюю их вылазку, когда они с отцом искали бивни мамонтов на подтаявших грязных берегах ледяной реки. Вспомнил раны в вечной мерзлоте, проделываемые с помощью гидропомп направленными струями воды, и самих охотников за «белым золотом», что лезли в высоких резиновых сапогах в образующиеся «пещеры» и выцарапывали из льда фрагменты мамонтовых костей, зубов и черепов.

Тогда они ничего не нашли и вдобавок потеряли человека. Подтаявшие своды одной из пещер, проделанных ими в вечной мерзлоте, рухнули прямо на охотника, навеки похоронив его под тоннами ледяной грязи. Только тогда до остальных дошло, что они не знают его фамилии и даже толком не помнят, откуда он приехал. Некому сообщить о его гибели.

Вся экспедиция проходила в пьяном угаре и хаосе. На обратном пути, когда сплавлялись по реке, одна из лодок набрала воды и пошла ко дну. Членам «команды», которые всю дорогу ссорились и ругались, пришлось впихнуться во вторую лодку и продолжать путь с риском для жизни, передавая по кругу бутылку водки.

Единственной их ценной находкой за всю экспедицию был череп степного зубра, который они отскоблили добела и водрузили на нос уцелевшего судна.

Позже, пока они пили в каком-то глухом городишке (а Святослав лежал в номере, накрывшись подушкой, чтобы не слышать пьяных криков из коридора и соседних номеров), кто-то украл череп. Так пропал единственный их трофей.

— По мне, твой дед был прав, — сказал Святослав Мюсене. — Обитатели Нижнего мира прокляты, и тех, кто их потревожит, ждет страшная участь.

Мюсена поднял на него глаза. Святослав не разобрал, с презрением или благодарностью тот на него посмотрел: все шестеро охотников напились в стельку. Их осунувшиеся лица в тусклом свете походного фонаря были непроницаемы.

Трезвым остался только Святослав. Он не пил вовсе, отчего остальные относились к нему с недоверием и почти страхом. Тем не менее отец не принуждал его пить — пожалуй, это было единственное, на чем он не настаивал. За всю экспедицию он ни разу не попытался ему налить.

— Что ж, вот и тост: за родовые проклятия! — возгласил Дмитрий.

Остального Святослав не слышал. Накинув на плечи плащ-пуховое одеяло, он вышел из палатки.

Дроны-вездеходы — «мулы» — стояли метрах в тридцати от лагеря. Стояли неподвижно, опустив свои толстые, похожие на пеньки головы. Святослав никак не мог привыкнуть к «мулам»: проходя мимо, он всякий раз ждал, что они махнут хвостиком или ударят землю копытом, как живые. Однако у этих машин не было ничего общего с настоящими мулами, да и движениями они скорее напоминали пауков, нежели мулов.

Святослав достал из седельной сумки дрон со всеми принадлежностями и побрел прочь, дав большой крюк, чтобы не подходить близко к последнему «мулу», груженному четырьмя длинными, изогнутыми, все еще окровавленными бивнями.

«Мулы» принадлежали Мюсене — только ради них его сюда и позвали. Планируя охотничью экспедицию, Дмитрий со товарищи думали, как и раньше, использовать квадроциклы. Но от квадриков много шума, и их легко выследить. Поэтому охотники разыскали и наняли Мюсену, механика и погонщика «мулов», а квадроциклы бросили за пределами заказника, в лиственничной роще, закидав ветвями и хвоей. Терминалы отключили и спрятали в экранирующие чехлы.

Машины Мюсены издавали не больше шума, чем живые мулы.

Однако с тишиной все равно было туго. Прислушиваясь к пьяному гоготу из палатки, Святослав гадал, далеко ли разно-